

ЯВЛЯЮТСЯ ЛИ «ИЗМЕРЕНИЯ» ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЧУВСТВ ИЗМЕРЕНИЕМ В ОПЕРАЦИОНАЛЬНОМ СМЫСЛЕ?*

Михаил Леонидович Зобин

*Центр трансформационной терапии аддикций, Доброта
85330, г. Котор, Черногория, e-mail: dr.zobin@yandex.ru*

Реферат. В статье указывается на то, что психометрическое шкалирование, основанное на самооценке, не является измерением в привычном значении и ранговые показатели не следует воспринимать как числовые. Разъясняется особенность статистических процедур для разных типов шкалирования. Ставится под сомнение обоснованность предложения по использованию смерти в качестве «твердого» показателя исхода для универсальной оценки эффективности антидепрессантов.

Ключевые слова: депрессия, чувства, смыслы, психометрические шкалы.

WHETHER A “MEASUREMENT” OF HUMAN FEELINGS
IS A MEASUREMENT IN AN OPERATIONAL SENSE?

Mikhail L. Zobin

Centre of transformational therapy of addictions,
Dobrota 85330, Kotor, Montenegro,
e-mail: dr.zobin@yandex.ru

The article points out that psychometric scaling based on self-assessment is not a measurement in the usual meaning and rank indicators should not be taken as numerical markers. Clarification of statistical procedures for different types of scaling is explained. The validity of the proposal to use death as a “solid” outcome indicator for universal evaluation of the effectiveness of antidepressants is questioned.

Key words: depression, feelings, meanings, psychometric scales.

Статья посвящена критическому осмыслению научной и практической ценности психометрии чувств и ощущений. Скептическое отношение автора к этим процедурам отражено в обозначении их как квазиизмерений. Критике подвергаются методологические основы применяемых оценочных шкал и сама возможность объективизации психических переживаний из-за непреодолимых различий в их смысловом содержании у разных субъектов.

Ссылаясь на авторитет К. Берка, автор указывает, что психометрия депрессий, или иных субъективно переживаемых состояний, представляет собой лишь присвоение цифр неким психическим содержаниям. Основной методологический изъян

таких измерений автор видит в опосредованном характере оценки изменчивого психического состояния (латенты), с помощью числовых индикаторов, которые связаны с самим состоянием нелинейно и вероятно. Другими словами, измеряемый психический феномен не имеет устойчивых связей со своим числовым обозначением. Автор совершенно верно указывает на то, что само переживание всегда имеет индивидуальный личностный смысл, который во многом определяет его (переживания) субъективную переносимость. Это, в свою очередь, делает сами показатели принципиально несопоставимыми и в культуральном и в индивидуальном аспекте. Поэтому использование существующих психометрических шкал для оценки результатов фармакотерапии депрессий, по мнению автора, является формой квазиквантификации и не позволяет использовать эти инструменты в мета-анализах. Автор подвергает критике молчаливое допущение пользователей шкал относительно одинаковости чувств и ощущений у всех людей. Образно и, по своему, остроумно указывается на псевдонаучность попыток придания смысла измерениям психических феноменов, имеющих экзистенциальное содержание.

Оставляя в стороне литературные достоинства текста, невозможно избавиться от ощущения, что Никита Александрович ломится в открытые двери. Разработчики психометрических шкал, в массе своей, хорошо понимали проблемы операционализации предмета своих «измерений». В связи с невозможностью прямой квантификации психических содержаний, для кластерного выделения объекта, обладающего качественными характеристиками, были использованы техники шкали-

*Комментарий к статье Н.А. Зорина «Методологический самообман. Имеют ли смысл квазиизмерения человеческих чувств и ощущений?» [1].

рования. Содержанием этой метрической процедуры, как совершенно верно отмечено автором, является приписывание числовых значений качественным характеристикам изучаемого феномена. Важным при этом является существование устойчивой взаимосвязи между числовым значением и качественным содержанием, которое оно (это значение) отражает. Именно устойчивость этой взаимосвязи и подвергается автором сомнению на том основании, что являясь абсолютно субъективным, а потому уникальным, это соотношение не может воспроизводиться за рамками каждого конкретного случая. Следовательно оно не может выступать унифицированным количественным показателем степени изменения психического состояния в группе.

Действительно, произвольный характер количественной оценки переживания самим субъектом не может выступать математической константой. В этом автор абсолютно прав, но является ли это достаточным основанием для ниспровержения практики психометрической оценки чувств? Само переживание, например, депрессия, может рассматриваться и как эмоциональное состояние и как процесс. При этом сам модус переживания и его индивидуальная значимость субъектом воспринимаются как вполне очевидные и не требующие доказательств. В этом смысле депрессия, как и любовь, «есть только то, что кажется». Если, в процессе терапии, интенсивность переживаний в восприятии пациента меняется, почему субъективной количественной оценке этих изменений не следует доверять?

Автор отрицает информативную содержательность предлагаемых индикаторов чувств и переживаний, которые подвергаются к тому же статистической обработке. Можно сказать, что психометрические показатели представляются в статье как научнообразная форма шифрования пустоты.

Действительно чувства и ощущения других людей являются для стороннего наблюдателя некой вещью в себе, что не исключает возможности их квантифицированной оценки носителем самих переживаний. Совокупность субъективных параметров чувств и ощущений в исследуемой группе не снижает их клинической значимости для оценки результатов лечения. По крайней мере, в парадигме доказательной медицины, где должны учитываться ожидания и степень удовлетворенности пациентов результатами терапии.

Проблемы возникают тогда, когда не различают процедуры измерения и ранжирования исследуемых параметров, а ранговые показатели оцениваются как числовые. Для измерения субъективно переживаемых состояний обычно используется *порядковый* или *интервальный* тип шкалы.

Порядковая шкала (шкала восприятия) определяет порядок или ранг параметров (характеристик) наблюдения. При этом расстояние между самими ранжируемыми характеристиками, которые следуют друг за другом (по убыванию или по возрастанию), не являются равными. Разновидностью порядковой шкалы являются *вербальная ранговая шкала* и *шкала Лайкерта*.

Интервальная шкала отличается от порядковой шкалы тем, что здесь имеет значение не только порядок следования величин, но и величина интервала между ними. Разновидностью интервальной шкалы являются *числовая ранговая шкала* и *визуальная аналоговая шкала*.

Характер шкалы (порядковой или интервальной), определяет метод кластеризации исследуемых данных, что влечет за собой особенности их статистической обработки. Например, для порядковой шкалы не используется критерий Стьюдента, а применяются непараметрические методы. При этом порядковая шкала позволяет ранжировать элементы и производить вычисления медианы и ранговой корреляции. Интервальная шкала допускает операции установления: равенства – неравенства, больше – меньше и равенства – неравенства интервалов. При обработке данных, полученных с помощью этой шкалы, возможно вычисление: среднего арифметического, линейной корреляции и применение t - и F -критериев¹.

В заключении автор высказывает предположение, что именно неадекватность психометрических инструментов приводит к невозможности выявления иерархии эффективности антидепрессантов в мета-анализах. Между тем, причины могут лежать совершенно в другой плоскости. Например, в недостаточной универсальности серотонинергической модели депрессивного расстройства.

Спорным представляется и предложение автора использовать для оценки результатов лечения не «квазиизмерения чувств», а «твердые»

¹Содержательный корректный подход к обработке ранговой (димENSIONАЛЬНОЙ) информации на основе метода анализа иерархий представлен в работе В.Г. Митихина в том же номере журнала, где размещена статья Н.А. Зорина.

исходы, например, смерть в качестве показателя предотвращенных суицидов. Смерть уравнивает людей биологически, а не экзистенциально. Выбор смерти в качестве поведенческой модели может быть обусловлен разными мотивами (нравственными, патриотическими, религиозными и пр.), при этом сами суицидальные реализации не являются обязательным признаком депрессии. Переживания тягостности или непереносимости бытия представляются автору метафорой неформализуемого состояния, подверженного влиянию культуральных, микросоциальных и индивидуальных различий. Однако в полной мере это относится и к суициду (смерть вуду, хакири, реакции отрицательного баланса и пр.). То есть, суицид опосредуется теми же факторами и смыслами, которые, по мнению автора, не позволяют использовать психометрический инструмент для сравнительного анализа тяжести депрессии. С одной стороны смерть, является медицинским фактом, объективность которого не подлежит сомнению, с другой стороны – суицид является прямым следствием состояния, которое автор именует мифом (то есть семиотической структурой с индивидуальным смыслом). К счастью не

каждая депрессия приводит к суициду, чтобы мы могли ориентироваться исключительно на ретроспективную оценку тяжести состояния. Прижизненная самооценка выраженности расстройства в психометрических шкалах обладает доказательной чувствительностью и специфичностью, а квазиизмерением называться не может, поскольку измерением, как таковым, не является.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зорин Н.А. Методологический самообман. Имеют ли смысл квазиизмерения человеческих чувств и ощущений? // *Неврологический вестник*. 2018. №4. С. 19–22.

REFERENCES

1. Zorin N.A. *Nevrologicheskii vestnik*. 2018. №4. pp. 19–22. (in Russian)

Поступила 31.01.19.